**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:
Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: http://www.ipdn.ru

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Proffessor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege
(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)
Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: http://www.ipdn.ru

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-10

УДК 902,03

Бравина Р.И., Прокопьева А.Н. *, Петров Д.М.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027
E-mail: bravinari@bk.ru (Бравина Р.И.); sendiele@gmail.ru (Прокопьева А.Н.);
dbyrkyngaev@gmail.com (Петров Д.М.)

ЯКУТСКАЯ ЭЛИТА XVII в.: ПОГРЕБЕНИЕ ТОЙОНА МАЗАРЫ БОЗЕКОВА

Статья посвящена исследованию захоронения хангаласского родоначальника (тойона) Мазары Бозекова — одного из виднейших лидеров якутского народа в XVII в., ездившего в Москву на аудиенцию к царю Федору Алексеевичу. Могила Мазары была раскопана в м. Истээх Бырааи Хангаласского района РС (Я) экспедицией Г.В. Ксенофонтова и М.Н. Ковинина в 1933 г., но точное местоположение памятника оставалось неизвестным. В 2023 г. в той же местности в ходе археологических работ ИГИиПМНС СО РАН было обнаружено ранее вскрытое погребение. Путем сопоставления полученных материалов с протоколами и находками экспедиции 1933 г. было установлено, что обнаруженное захоронение является могилой Мазары Бозекова. Раскопки 2023 г. существенным образом дополнили информацию о погребении. Были проведены изучение конструкций и размеров надмогильного сооружения и внутримогильных камер, а также анализ качественно-количественного состава сопроводительного инвентаря. Предметный комплекс захоронения сочетает как традиционные элементы мужского погребения якутов, так и редкие предметы местного и привозного характера. В результате обобщения и систематизации материалов установлено, что погребение является ярким примером погребального памятника представителя якутской элиты XVII в. — времени, когда местная родовая знать начала активно взаимодействовать с Русским государством, что повлияло на трансформацию культурного облика народа в целом.

Ключевые слова: Хангаласский улус, позднее Средневековье, Новое время, родовой могильник, якутское общество, Мазары Бозеков, ясак, тойонат, социальный статус, опредмечивание статуса, предметы престижа.

Ссылка на публикацию: Бравина Р.И., Прокопьева А.Н., Петров Д.М. Якутская элита XVII в.: погребение тойона Мазары Бозекова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 115–124. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-10

Введение

Актуальность исследований, посвященных изучению социальной истории кочевников Евразии, на основе материалов погребально-поминальных памятников элиты определяется целым рядом факторов, среди которых не последнее место занимает влияние, которое раннесредневековые номады оказали в течение нескольких столетий на судьбы многих народов [Крадин, 2002; Серегин, 2013; Элита в истории…, 2015; и др.]. Вместе с тем работы, специально обобщающие результаты полевого изучения позднесредневековых погребений традиционной элиты народов Сибири, в том числе якутов, практически отсутствуют.

По мнению исследователей, в потестарно-политической культуре якутов периода присоединения Ленского края к Русскому государству в начале XVII в. наблюдаются следы древних контактов их предков с государственными образованиями кочевников Центральной Азии и Южной Сибири [Васильев, 1995; Борисов, 2010; Парфенова, 2016]. Лидерство в якутском обществе обозначается через таксон «тойон» — лицо, «облеченное властью, должностная особа, правитель, чиновник, администратор... военачальник (сэрии тойоно), предводитель, вождь...» [Пекарский, 1959, стб. 2706]. Я.И. Линденау — участник Второй Камчатской экспедиции (1737–1746) сообщает, что у якутов издавна существовал тойон ууса — «тойонский род», или «господский род». Главой этого рода могли быть лишь потомки легендарного первопредка Элляя [Линденау, 1983, с. 19]. В конце XVI — начале XVII в. во главе элитного рода стоял якутский «царь» — легендарный Тыгын, чью доминирующую роль признавали почти все этносоциальные группы якутов. Он имел двух сыновей — Okurey и Bedscheko. Мазары, являясь сыном Бозеко и внуком

* Corresponding author.

Тыгына, в некоторых документах именует себя «Мазарычко Тынинов», подчеркивая тем самым свою принадлежность к элите «крови».

В 2023 г. археологическим отрядом ИГИиПМНС, при уточнении границ могильника, на краю террасы Истээх Бырааан была обнаружена западина, при изучении которой выяснилось, что она представляет собой ранее раскопанную могильную яму. Вновь обнаруженные здесь фрагменты артефактов дают основание считать ее могилой Мазары Бозекова, точное местоположение которой до недавних пор не было определено. Эти раскопки существенным образом дополнили информацию о погребении, что послужило основанием для написания настоящей статьи, в задачи которой входит следующее: обобщение и систематизация материалов погребения, что предполагает, в свою очередь, изучение конструкций и размеров надмогильного сооружения и внутримогильных камер; анализ качественно-количественного состава сопроводительного инвентаря; выделение предметов, содержащих атрибуты власти, включающих показатели политического статуса погребенного, и набора вещей, символизирующих экономический престиж, объединяющий признаки его высокого имущественного положения. Такой методологический подход (см.: [Элита в истории…, 2015]) позволяет не только корректно определить значимость рассматриваемых предметов, но также способствует осуществлению объективной интерпретации материалов погребения.

Целью данной статьи является исследование погребения яркого лидера позднесредневекового якутского общества Мазары Бозекова (1633–1703 гг.). В 1677 и 1680 гг. он во главе представителей якутской элиты совершил поездки в Москву и удостоился аудиенции у русского царя Федора Алексеевича. В результате этого был смягчен ясачный режим, возвращены и расширены части утраченных ранее властных полномочий тойонов в княжеском статусе; расширилось коммуникативное пространство в политической, социально-экономической и духовной сферах [Борисов, 2023]. Вся эта информация отложилась в народном сознании и исторической памяти в виде легенд и преданий [Емельянов, 1960, с. 261, 263, 299; Ксенофонтов, 1977, с. 62–63, 74–76, 78–79, 80–83, 96–97 и др.].

Материалы и методы

Погребальный памятник Мазары Бозекова находится в могильном комплексе Истээх Бырааан в Хангаласском улусе, в долине Эркээни, которая является одной из трех основных долин левого берега Средней Лены и издревле была центром родовых территорий хангаласцев. В настоящее время местонахождение могильника определяется на территории Октемского наслега Хангаласского улуса РС (Я) в 4,5 км к северу от с. Улах-Ан и в 19,5 км к северо-востоку от районного центра — г. Покровска. Могильный комплекс занимает площадь 94,7 га, приуроченную к 35–50-метровой коренной террасе р. Лены, возвышающейся над р. Улах и оз. Эбэ-Кюстях-Юрях.

Могильный комплекс Истээх Баран представляет собой совокупность более чем 30 разновременных могил, которые можно локализовать в 4 могильника (рис. 1). История изучения памятника связана с именем выдающегося якутского этнографа Г.В. Ксенофонтова, который в 1933 г. в составе археологической экспедиции Якутского областного музея им. Ем. Ярославского участвовал в раскопках могил на территории Западно-Кангаласского (ныне Хангаласского) района. В протокол раскопок погребение вошло под названием Тюекэй Бырааан[1]. Часть полевых материалов хранится в Архиве Якутского научного центра СО РАН (далее — АЯНЦ) [АЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 1, д. 28] и Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (далее — НА РС (Я)) [НА РС(Я). Р-1407, оп. 1, д. 28]. Артефакты, извлеченные из могилы, в довоенные годы выставлялись в экспозиции областного музея, некоторые из них были использованы художником-этнографом М.М. Носовым при реконструкции одежды и украшений якутов XVII–XIX вв. [Носов, 1955, 1988]. К сожалению, большинство обозначенных в описи находок, сданных в фонд областного музея (ныне Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, далее — ЯГОМИиКНС), за исключением серебряного диска туосахта от шапки, фрагментов пояса, стрел и лука и т.д., ввиду неудовлетворительного состояния учета и хранения того времени не сохранились. Краткие сведения о раскопках могилы Мазары впоследствии были опубликованы в научно-популярных очерках сотрудников музея И.Г. Березкина [1987] и П.В. Винокурова [1999], а в научную литературу были введены Р.И. Бравиной и В.В. Поповым [2008].

[1] В 2021 г. общественность и администрация Октемского наслега (соседний с Жерским наслегом) Хангаласского улуса обратились в департамент охраны культурного наследия РС (Я) и ИГИиПМНС СО РАН с ходатайством о возвращении исконного названия «Истээх Бырааан» достопримечательному для хангаласцев месту. Именно под этим названием могильник включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения (акт № 139/21 государственной историко-культурной экспертизы).

Археологическая экспедиция Якутского областного музея им. Ем. Ярославского 1933 г. провела раскопки 13 погребений на территории Хангаласского улуса, среди которых два — на сопке Тюекэй Бырааан. Могила Мазары, глубоко почитаемая хангаласцами как сакральный памятник предков, находилась на краю террасы, с которой открывался вид на его родовую усадьбу, расположенную внизу, в местности Куудук.

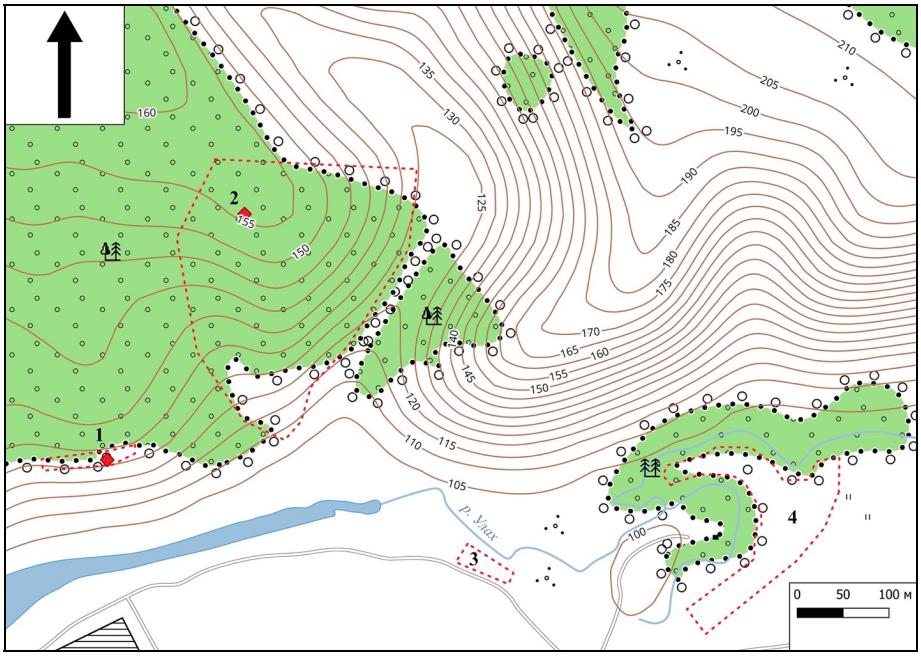

Рис. 1. Карта могильного комплекса Истээх Бырааан:
1 — могильник XVII–XVIII вв. и могила Мазары Бозекова; 2 — могильник XV–XVIII вв. и могила Ат-Бырааан-VI; 3 — погост XIX в.; 4 — могильник XVII–XVIII вв.
Fig. 1. Map of the Isteeh Byraan burial complex:
1 — burial ground of 17th–18th centuries and the grave of Mazary Bozekov; 2 — burial ground of 15th–18th centuries and the grave At-Byraan-VI; 3 — burial ground of 19th century; 4 — burial ground of 17th-18th century.

Согласно протоколу раскопок, надмогильное сооружение Мазары Бозекова представляло собой сруб из бревен длиной 4,83 м, шириной 3,90 м, высотой 1,05 м и было ориентировано по оси СВ–ЮЗ. Внутри первого сруба оказался второй — длиной 320 см, шириной 200 см. Сверху сруб скреплялся с двух сторон поперечной связкой из жердин, концы которых входили в отверстия врытых в землю небольших столбиков. Верхний настил сруба состоял из кругляков, перекрытых орнаментированной берестой и засыпанных тонким слоем земли. Гробница была покрыта еще одним деревянным настилом, устланном берестой [НА РС (Я). Р-1413, оп. 1, ед. хр. 2, л. 28].

В гробу покоились останки мужчины «не ниже среднего роста» [НА РС (Я). Р-1413, оп. 1, ед. хр. 28, л. 10]. Одежда истлела, сохранились только фрагменты разной дорогой материи. На кистях обеих рук имелись перстни с фигурными изображениями, один из них был украшен цветным камнем. В гробу исследователями были найдены три пуговицы с эмалированной инкрустацией, предмет со следами эмали, напоминающий запонку, металлические части пояса, колчан с 18 стрелами с железными и костяными наконечниками, пальмы (батас, батыйа), нож с костяной рукояткой также со следами эмалевой инкрустации. Сбоку, в пространстве, отделенном стоявшей на ребре плахой, были обнаружены железный котел, кожаный сосуд для кумыса симир, деревянная чаша кытыйа, седло с серебряными орнаментированными накладками на передней луке [НА РС(Я). Р-1407, оп. 1, ед. хр. 28, л. 10]. На данный момент все сохранившиеся предметы, изъятые в ходе раскопок 1933 г., хранятся в ЯГОМИиКНС в разрозненном виде. Выявление и атрибуция предметов входит в одну из дальнейших задач данного исследовательского проекта.

В 2023 г. было проведено повторное вскрытие могилы Мазары Бозекова. Объект представлял собой западину подпрямоугольной формы глубиной до 40 см. Контуры могильной ямы проявились на глубине около 20 см, и ко дну размеры ямы составили 277 см в длину и 136–168 см в ширину. При снятии дерна у изножья могилы было обнаружено лезвие ножа, погнутое в не-

скольких местах, разбросанный мелкий бисер белого и голубого цвета. Большинство находок было сделано ближе ко дну ямы: фрагменты металлических изделий, железные уголки гроба и саркофага, множество фрагментов берестяных полотнищ. В юго-западном углу были найдены зубы, позвонки, ребра и кости стоп человека, здесь же находились кости животного. Судя по сохранившимся фрагментам дна гробницы, длина ее составляла 240 см, ширина — 112–117 см.

Результаты

Повторные работы дали сведения, существенно дополняющие материалы раскопок 1933 г., и в совокупности эти данные делают картину более полной. Так, внутримогильные сооружения первоначально имели исключительно большие размеры, обусловленные конструктивными особенностями. Минимальные размеры гробницы, выявленные в ходе повторных раскопок, составляли 240 см в длину и 117 см в ширину. Места соединения стенок и торцов конструкций были скреплены железными уголками, прибитыми при помощи массивных четырехгранных гвоздей. Сведения о вещевом комплексе погребения можно дополнить, так как протоколы раскопок 1933 г. весьма обрывочны. Наиболее интересными являются орнаментированные элементы пояса или конской сбруи, изготовленные из металла в технике таушировки ленточным и листовым способом. Первым способом орнаментирована бляшка, первоначально имевшая округлую форму. В центре ее тонкой проволокой выложена восьмичастная розетка, вписанная в несколько кругов из той же проволоки (рис. 2, *1*). Вторым способом украшены несколько подпрямоугольных бляшек с фестончатыми краями (рис. 2, *2*). Бляшки состоят из двух слоев разного металла: на железную пластину крепилась более тонкая, на которую выложены вырезанные из тонкого медного листа кружочки. Подобная техника и форма бляшек часто встречаются в контексте наборных железных поясов и саадачного комплекса бурят [Гармаева, 2009].

Рис. 2. Предметы из погребений могильника Истээх Бырааан:
1 — фрагмент металлического декора; 2 — металлические элементы пояса или сбруи; 3 — берестяная обкладка кнута; 4 — металлическая подвеска-пуговица с эмалью; 5–7 — предметы из погребения Ат-Бырааан-VI (по: [Кирьянов, 2017, рис. 168, 169]).

Fig. 2. Items from the burials of the Isteeh Byraan burial ground:
1 — fragment of metal decor; 2 — metal elements of a belt or harness; 3 — birch bark lining of the whip; 4 — metal button pendant with enamel; 5–7 — items from the burial At-Byraan-VI (according to [Kiryanov, 2017, fig. 168, 169]).

Новыми находками являются вырезанные из бересты тонкие полоски шириной 1,6–1,8 см, орнаментированные по краям двумя параллельными прямыми линиями (рис. 2, *3*). Судя по аналогиям, это остатки берестяной обкладки кнута или плети-скребницы. Наличие в погребении этих предметов не указано в протоколе 1933 г., что может быть объяснено плохой сохранностью.

Одним из оснований для идентификации могилы явилась металлическая пуговица-подвеска, покрытая эмалью голубого и белого цвета, имеющая форму удлиненной гексагональной бипирамиды (рис. 2, *4*). Судя по протоколу 1933 г., ранее было обнаружено несколько таких подвесок, но среди музейной коллекции памятника они не обнаружены. Аналогичная подвеска была обнаружена в женском погребении Ат-Быраан-VI на соседней сопке могильного комплекса (рис. 2, *5*) [Кирьянов, 2017, с. 87]. В целом сравнительный анализ дневников и протоколов раскопок 1933 г. показал, что в них вносилась информация о предметах хорошей сохранности, не вызывающих вопросов об их утилитарном назначении. Кроме того, не фиксировались особенности антропологического материала и сведения о его изъятии или обратном захоронении. Данных о сдаче останков Мазары Бозекова в музей среди книг поступлений и другой музейной документации также не обнаружено, но по результатам повторного вскрытия могилы доподлинно известно, что костяк был изъят.

Обсуждение

По словам старожила с. Улах-Ан (центра Жерского наслега) Е.А. Ситниковой, могила Мазары представляла собой чардаат и находилась на самом высоком и видном месте сопки Тюекэй Быраан и хорошо просматривалась снизу (ПМА: Ситникова). В полевых материалах нет графической фиксации надмогильного сооружения, хотя в зарисовках М.М. Носова имеются рисунки двух детских надмогильных сооружений из родового могильника Мазары, сделанные им в 1930-е гг. [АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 9, д. 23]. В фондах Якутского музея им. Ем. Ярославского нами найдена написанная маслом картина М.М. Носова «Старинная якутская могила», датированная 1935 г. (рис. 3) [ЯГОМИиКНС. КП 5039, Г-190, Ж-147]. Памятник представляет собой чардатное сооружение с крышей из досок, увенчанной коньком, один конец которого обтесан в виде головы лошади. Панорамный вид (с западной стороны — река, с южной — сопки) соответствует виду с террасы Истээх Быраан. По всей вероятности, двойной сруб на могиле Мазары представлял собой основание чардатного сооружения.

Рис. 3. М.М. Носов. «Старинная якутская могила», 1935 г. ЯГОМИиКНС. КП 5039, Г-190, Ж-147.
Fig. 3. M.M. Nosov. “The ancient Yakut grave”, 1935.

Название «чардат» аналогично общетюркскому «чарлак, чардак, чардуган, чордевар», что означает «чердак, надмогильное сооружение, ограда вокруг могилы» [Антонов, 1971, с. 150–151]. По словарю Э.К. Пекарского, «чардааттаах киси унгуога (чардатное погребение) — это квадратное место, огороженное частоколом для могилы, квадратная деревянная постройка на могиле, могильный

памятник» [Пекарский, 1959, стб. 3580]. Чардат представлял собой низкий четырехугольный сруб, крытый двускатной крышей. Сруб обычно составлялся из 3–5 венцов бревен, углы которых прорубались в обло (як. хабарга муннук или моойторук муннук) и сверху перекрывался настилом из кругляков, которые застилались сшитыми из бересты пластинами и засыпались нетолстым слоем земли. Двускатная крыша сооружалась из тонких жердей или досок. Доски крыши верхней стороной опирались на бревно-слегу, а их нижние концы вставлялись в продольные пазы верхних бревен длинных сторон сруба или же упирались в землю. Затем на столбики надевался желобчатый конек, который плотно придавливал верхние концы двускатной крыши [Бравина, Попов, 2008, с. 38–39]. Таким образом, информация Е.А. Ситниковой и данные о конструктивных особенностях могилы из протоколов вскрытия дают основание считать, что на картине М.М. Носова «Старинная якутская могила» запечатлено надмогильное сооружение могилы Мазары.

Считается, что значительным показателем расслоения традиционного общества является набор вещей, символизирующих в глазах населения высокий социальный статус и экономический престиж [Серегин, 2013, с. 74]. Главным признаком захоронения якутской элиты были, несомненно, лошадь или ее сбруя (вероятно, по принципу pars pro toto) и иные предметы, связанные с коневодческой культурой (в частности — кумысная посуда). Другими элементами высокостатусного инвентаря в мужских погребениях якутов выступают солярный диск-туосахта, серьги, перстни, железные и медные котлы, оружие хорошего качества (как правило, боевые и охотничьи пальмы — батас и батыйа).

Развитый комплекс вооружения в захоронениях элиты весьма ярко характеризует реалии позднего средневековья, насыщенного самыми разными военными конфликтами, в ходе которых якутские тойоны выступали в роли воинов и предводителей войск. Из документальных источников известно, что Мазары Бозеков как военный лидер предоставил русской администрации хангаласских воинов для подавления восстания жарханского якута Балтуги Тимиреева на Вилюе, а также сам участвовал в походах казаков, в связи с чем обнаружение в его могиле боевой пальмы (батас) является вполне обоснованным. Обращает на себя внимание многочисленность стрел в колчане Мазары — 18 шт., тогда как чаще всего в якутских захоронениях их количество составляет 5–7 шт.

Весьма примечательно, что еще до раскопок Г.В. Ксенофонтову удалось найти и описать другую боевую пальму Мазары. Описание приложено к его статье об изображениях на скалах р. Лены [Ксенофонтов, 1927, табл. X, рис. 2]. Длина пальмы с древком составила 2 аршина 10 вершков, длина клинка — 12 вершков. Древко было составным, две наружные части — березовые. Древко обвязано жилами, а сверху обтянуто кожей. По словам автора, пальма хранилась в семье Корякиных в 1-м Малтанском наслеге Западно-Кангаласского улуса и по преданию принадлежала внуку якутского князя Тыгына Мазары. На клинке под рукояткой имелась серебряная инкрустация в виде трезубца, что Г.В. Ксенофонтов определил как древнеякутскую княжескую тамгу, указав на его сходство с одной из рун орхонского алфавита [Там же, с. 4]. Посередине клинка выгравирован другой знак, похожий на римскую единицу с раздвоенным концом и перекрестной волнистой зарубкой посередине. По начертанию он похож на птицу с расправленными крыльями и, вполне возможно, представляет собой родовую тамгу — тотемный символ беркута «барылас», являвшегося птицей-божеством хангаласских родов по всей территории Якутии, включая Колымский край [Серошевский, 1993, с. 454].

Материалы из захоронения Мазары Бозекова в полной мере отражают и другую черту якутского тойоната — склонность к демонстративной роскоши, обусловленной особым, трепетным отношением к богатству. В традиционном якутском социуме, как и в сообществах степных кочевников, владение богатством играло огромную роль в установлении престижа правящей элиты. В источнике XVIII в. говорится, что богатые и состоятельные якуты «тем только наипаче тщеславятся, что скота и скотников или пастухов имеют много…» [Иванов, 1992, с. 185]. Эта характерная черта отмечалась и в XIX в.: «…Большею частию Якуты держат в таком множестве скот еще из тщеславия <…> чем богаче Якут, тем ему и уважения больше» [Проскуряков, 1864, с. 47]. Бедность у якутов считалась пороком; были распространены убеждения, что она является следствием божественной немилости («Бедных вообще они презирают, почитая их оставленными Богом») [Щукин, 1854, с. 41].

Идеология престижной экономики подталкивала баев к самовозвеличиванию и соперничеству между собой, о чем повествуют многочисленные исторические предания. Во многом именно идеологической необходимостью была продиктована организация пышных и массовых празднеств (в том числе похорон), призванных подчеркнуть состоятельность, щедрость и авторитет тойона, его превосходство над остальными родовыми главами. Погоня за престижем и

авторитетом порождала также особое внимание к одежде и атрибутам высокого социального положения. Любовь баев к наружным (внешним) знакам отличия не осталась незамеченной ранними исследователями якутского народа [Худяков, 2016, с. 98].

Как отмечают исследователи, главными признаками элиты являются престижные вещи, в первую очередь импортного происхождения, и именно элита формирует представление о ценности той или иной вещи [Дашковский, Мейкшан, 2015, с. 18]. В.С. Арутюнов пишет, что в межэтнические контакты прежде всего вступают именно элитарные слои населения (ввиду своих больших возможностей) и что, поскольку они выступают в качестве референтной группы по отношению к рядовому населению, усвоение элитой новшеств подчас почти автоматически приобретает для последнего престижное значение [1982, с. 13].

У Мазары Бозекова были большие преимущества перед другими якутскими тойонами в приобретении привозных товаров. Часть эксклюзивных предметов могла быть дарована царем во время якутских депутаций, приобретена путем торга и обмена. Как известно, отправляясь во вторую поездку в Москву, якуты везли много пушнины на продажу. Мурза Сейдеш, имея, благодаря связям, информацию о торговой логистике, мог устроить сделку по предоставлению сведений о местах рыночной торговли, где якутские князья могли реализовать свои товары. Напомним, Мазары сумел продать в Москве 1,5 тысячи соболиных шкур. Кроме денег были приобретены различные товары: ткани, украшения, одежда, оружие (ножи) и т.д. [Борисов, 2023, с. 89]. Во время археологических раскопок погребения князя Г.В. Ксенофонтовым и М.Н. Ковининым в 1933 г. были найдены остатки богатой одежды из шелка, бархата и других дорогих тканей. Конечно, Мазары в первую очередь стремился приобрести статусные вещи. О его обогащении после поездок говорится в преданиях. Известно, что он получил от сына Сейдяша по имени Абдыш «камчатый кармазинный кафтан». За этот кафтан он подарил татарину соболя, а когда возвращался из Москвы — ножи, перстень в дорогой оправе. Перстни с резными камнями фигурируют среди материалов и могилы самого Мазары, и женщины из Ат-Дабан-VI (рис. 2, *6, 7*) [Кирьянов, 2017, с. 83–85]. Очевидно, что подобные вещи якутский князь приобрел и для себя и привез на родину. Возможно, среди погребальной одежды был тот самый кафтан, полученный у сына татарского мурзы. Интерес вызывает «калмыцкий» мотив в преданиях о поездке Мазары к русскому царю. В одном из них так и говорится: «Царь отдал ему в жены калмыцкую девицу и в качестве приданого дал одного верблюда» [Ксенофонтов, 1977, с. 63]. А.А. Борисов поддерживает эту гипотезу, указывая на личный подарок царя в виде женского убора — «вершок шапошный женский низаный» [2023, с. 90]. По легендам, будто бы сын Мазары Куннек родился от этого брака. Кроме того, и ныне некоторые якуты, живущие в современном Хангаласском улусе, считают себя потомками той калмычки.

Заключение

Могила Мазары Бозекова является ярким примером погребального памятника якутской элиты с присущими ей представлениями о богатстве и роскоши. Высокий социальный статус погребенного обозначен сложными многослойными внутримогильными конструкциями и соответствующими размерами могильной ямы. Массивная надмогильная конструкция, возвышающаяся на вершине террасы, вероятно, должна была обозначать протекторат властителя и хозяина местных земель, что отражено в полевых дневниках исследователей 1930-х гг. Вещевой комплекс сочетает как традиционные элементы мужского погребения якутской знати (лук, стрелы, пальма, нож), так и редкие предметы местного и привозного характера. При этом среди привозных вещей фигурируют как предполагаемые «царские дары», т.е. предметы явно русского происхождения, так и атрибуты конского снаряжения и саадачного набора, характерные для кочевой элиты степных культур. Наличие боевого оружия в погребении подтверждает, что как родоначальник Мазары Бозеков исполнял по традиции и воинские функции. Выбивающимся из представлений о погребениях знати является отсутствие сопровождающего погребения коня, хотя погребения с конем и захоронения отдельных коней были обнаружены на территории могильника, что может свидетельствовать о начале постепенной трансформации погребального обряда под влиянием русского православия. Разнообразие обрядов, фиксирующееся на могильнике, станет темой отдельной статьи.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20359, https://rscf.ru/project/24-28-20359/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 172 с.

Арутюнов С.А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СА. 1982. № 1. С. 8–22.

Березкин И.Г. По следам наших предков и современников. Якутск: Кн. изд-во, 1987. 112 с.

Борисов А.А. Мазары Бозеков: Диалог с властью на державном пространстве. Иркутск: Оттиск, 2023. 224 с.

Борисов А.А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (Опыт комплексного исследования). Новосибирск: Наука, 2010. 272 с.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.

Винокуров П.В. Экспедиция на бычьей подводе // Илин. 1999. № 3–4. С. 38–42.

Гармаева С.Ю. Кузнечное и ювелирное ремесло в традиционной культуре закаменских бурят // Вестник Бурят. ун-та. 2009. № 14. С. 298–301.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Элита в социальном пространстве кочевого общества: (Теоретический и методический аспекты) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 11–25.

Емельянов Н.В. (отв. ред.) Исторические предания и рассказы якутов: В 2 ч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 322 с.

Иванов В.Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII — начало XIX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 228 с.

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.

Ксенофонтов Г.В. Изображения на скалах реки Лены в пределах Якутского округа // Бурятиеведение. 1927. № 3–4. С. 64–70.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 276 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-Сахалар: Очерки по древней истории якутов: В 2 кн. Якутск: Национальное издательство РС(Я), 1992. Кн. 1. 416 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XVIII вв. // Сборник науч. статей Якутского республиканского краеведческого музея. Якутск, 1955. Вып. 1. С. 84–137.

Носов М.М. Художественно-бытовые изделия якутов XVIII — начала XX веков. Якутск: Кн. изд-во, 1988. 112 с.

Парфенова О.А. Харизма Тыгына в мифах саха. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2016. 144 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: В 3 т. 2-е изд. М.: АН СССР, 1959. Т. 3. Стб. 2509–3858.

Проскуряков. О Средне-Вилюйском улусе Вилюйского округа и о господствующих в нем болезнях // Этнографический сборник изд. Императорским Русским географическим обществом. 1864. Вып. VI. С. 35–49.

Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.

Сирина А.А. Бернгард Эдуардович Петри // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. 2004. Вып. 2. С. 10–13.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. 2-е изд. Якутск: Бичик, 2016. 448 с.

Щукин Н.С. Якуты. СПб.: В тип. Министерства внутренних дел, 1854. 46 с.

Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 330 с.

ИСТОЧНИКИ

АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 28; Ф. 5. Оп. 9. Д. 23; Ф. 5. Оп. 9. Д. 24.

НА РС(Я). Ф. Р-1407. Оп. 1. Ед. хр. 28; Ф. Р-1413. Оп. 1. Ед. хр. 2; Ф. Р-1413. Оп. 1. Ед. хр. 28.

ЯГОМИиКНС. КП 5039. Г-190. Ж-147.

ПМА — Ситникова Е.А. (1913 г.р, жительница с. Улах-Ан Жерского наслега Хангаласского улуса РС (Я). Год записи — 2016, место записи — местность Куудук, Хангаласский улус.

Кирьянов Н.С. Отчет о проведении археологических полевых работ (раскопок) на территории выявленных объектов культурного наследия в местности «Ат-Дабан» в Хангаласском районе Республики Саха (Якутия) в 2016 году: В 2 т. Якутск, 2017 // Архив ИА РАН. Р-1. № 54128, 54129.

Bravina R.I., Prokopeva A.N. *, Petrov D.M.
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 670027, Russian Federation
E-mail: bravinari@bk.ru (Bravina R.I.); sendiele@gmail.ru (Prokopeva A.N.);
dbyrkyngaev@gmail.com (Petrov D.M.)

Yakut elite of the 17th century: the grave of toyon Mazary Bozekov

The article is dedicated to the study of the burial complex of the Khangalassky ancestor (toyon) Mazary Bozekov, who was one of the most prominent leaders of the Yakut people in the 17th century, and who had an audience with Tsar Fyodor Alekseevich in Moscow. The grave of Mazary was excavated in the Isteekh Byraan locality of the Khangalassky District of Yakutia in 1933 by the expedition of G.V. Ksenofontov and M.N. Kovinin, however, its exact location remained unknown. In 2023, a previously opened grave was rediscovered in the same area during the archaeological work of the IHRNIPP SB RAS. By comparing the obtained materials with the protocols and findings of the 1933 expedition, it was confirmed, that the burial complex was the grave of Mazary Bozekov. Excavations of 2023 significantly complemented the knowledge about the complex. The study of structures and sizes of the above-ground constructions, and internal grave chambers, as well as the analysis of the qualitative and quantitative composition for the accompanying equipment have been undertaken. The material complex of the grave combines both traditional elements of the Yakut male burials and rare local and imported items. By the means of generalisation and systematisation of the data, it has been established that the grave complex represents a vivid example of a burial monument for a representative of the Yakut elite of 17th century — a historical period, when the local nobility began active interaction with the Russian Empire, which influenced the transformation of the cultural image of the Yakut people as a whole.

Keywords: Khangalassky district, the Late Middle Ages, Modern Times, family burial ground, Yakut society, Mazary Bozekov, yasak, toyonat, social status, objectification of status, objects of prestige.

Funding. The research was carried at the expence of a grant from the Russian Science Found No. 24-28-20359, https://rscf.ru/project/24-28-20359/.

REFERENCES

Antonov, N.K. (1971). *Materials on the historical vocabulary of the Yakut language.* Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).

Arutyunov, S.A. (1982). Processes and patterns of entry of innovations into the culture of an ethnic group. *Sovetskaya arheologiya*, (1), 8–22. (Rus.).

Berezkin, I.G. (1987). *In the footsteps of our ancestors and contemporaries*. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).

Borisov, A.A. (2010). *The social history of the Yakuts in the Late Middle Ages and Modern Times: (the experience of a comprehensive study)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Borisov, A.A. (2023). *Mazary Bozekov: Dialogue with the authorities in the sovereign space*. Irkutsk: Ottisk. (Rus.).

Bravina R.I., Popov V.V. (2008). *The Yakut funeral and memorial rites: Monuments and traditions (the 15th–19th centuries)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Dashkovskij, P.K., Mejkshan, N.A. (2015). The Elite in the Social Space of Nomadic Society: (Theoretical and Methodological Aspects). In: *Elita v istorii drevnih i srednevekovyh narodov Evrazii*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 11–25. (Rus.). (Rus.).

Dashkovskij, P.K. (Ed.) (2015). *The elite in the history of the Ancient and Medieval peoples of Eurasia*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.

Emel'yanov, N.V. (Ed.) (1960). *Historical legends and stories of the Yakuts. Vol. 1*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).

Garmaeva, S.Yu. (2009). Metal and blacksmith craft in the folk culture of zakamensk buryats. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, (14), 298–301. (Rus.).

Hudyakov, I.A. (2016). *A brief description of the Verkhoyansky district*. Yakutsk: Bichik. (Rus.).

Ivanov, V.F. (1992). *Socio-economic relations in Yakutia (late 17 — early 19 centuries)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Kradin, N.N. (1992). *Nomadic societies: (Problems of formation characteristics)*. Vladivostok: Dal'nauka. (Rus.).

Ksenofontov, G.V. (1927). Images on the rocks of the Lena River within the Yakut district. *Buryatievedenie*, (3-4), 64–70. (Rus.).

Ksenofontov, G.V. (1977). *Elleyada: Materials on mythology and legendary history of Yakuts*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Ksenofontov, G.V. (1992). *Uraanghai-Sakhalar: Essays on the ancient history of the Yakuts*. Yakutsk: Nacional'noe izdatel'stvo RS(Ya). (Rus.).

* Corresponding author.

Lindenau, Y.I. (1983). *Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East*. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).

Nosov, M.M. (1955). Clothing and jewelry of Yakuts in XVII–XVIII centuries. *Sbornik nauchnykh statei Iakutskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia*, (1), 82–137. (Rus.).

Nosov, M.M. (1988). *Artistic and household products of the Yakuts of the 18 — early 20 centuries*. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.)

Parfenova, O.A. (2016). *Tygyn's charisma in the myths of Sakha*. Iakutsk: Izd. dom SVFU. (Rus.).

Pekarskiy, E.K. (1959). *Dictionary of the Yakut language. 2nd ed. Vol. 3*. Moscow: AN SSSR. (Rus.).

Proskuryakov (1864). About the Srednevilyuysky ulus of the Vilyuysky district and the diseases prevailing in it. In: *Etnograficheskij sbornik izd. Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom*, (VI), 35–49. (Rus.).

Seregin, N.N. (2013). *Social organization of the Early Medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia (based on the materials of funerary complexes)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

Seroshevskiy, V.L. (1993). *The Yakuts: The experience of ethnographic research*. Moscow: ROSSPEN. (Rus.).

Sirina, A.A. (2004). Bernhard Eduardovich Petri. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii IrGTU*, (2), 10–13. (Rus.).

Shchukin, N.S. (1854). *Yakuts*. St. Petersburg: V tipogr. Ministerstva vnutrennih del. (Rus.).

Vasil'ev, F.F. (1995). *Military affairs of the Yakuts*. Yakutsk: Bichik. (Rus.).

Vinokurov, P.V. (1999). Expedition on a bull cart. *Ilin*, (3–4), 38–42. (Rus.).

Бравина Р.И., https://orcid.org/0000-0002-4902-8288
Прокопьева А.Н., https://orcid.org/0000-0002-8329-159X
Петров Д.М., https://orcid.org/0000-0001-5166-5166

Сведения об авторах:

Бравина Розалия Иннокентьевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией археологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск.

Прокопьева Александра Николаевна, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск.

Петров Денис Михайлович, младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск.

About the authors:

Bravina, R.I., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory of Archeology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk.

Prokopyeva, A.N., Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk.

Petrov, D.M., Junior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 03.10.2024
Article is published: 15.09.2025